

Часовенка из деревни Старово

При входе во двор Переславского музея встанет неожиданно перед вашим взором деревянная часовенка во одну главу, вокруг неё, чуть позади, густые кусты терновника, пышно, бело, ароматно цветущие каждую весну. Долгим был её путь в наш музей. Но вот уже почти 20 лет прошло с того дня, когда она встала на своё сегодняшнее, теперь уже обжитое место. Впервые увидел её в сентябре 1963 года в далёкой деревушке Старово нашего уезда.

Отправившись в экспедицию в нагорьевский край, я побывал сначала в селе Даратники, где и заночевал с 6 на 7 сентября в доме Семьинских, друзей нашего музея. Елизавета Евпатъевна, бывшая учительница, пенсионерка встретила меня радушно, хотя и видела впервые. О моих коллегах, посещавших её двумя годами раньше, она не помнила. Домашние её, племянница с мужем, сказали, что Елизавета Евпатъевна стала слаба памятью и забывает много, да это и не удивительно — как-никак, 78 лет. Они же помнят, что были четверо из переславского музея. Меня напоили чаем и предложили ночлег. Поутру отправился я к Елизавете Михайловне Немцовой, жившей на той же улице, что и Семьинские, в последнем от околицы доме. Из рассказов нашего директора я знал, что у Елизаветы Михайловны есть несколько этюдов, предположительно работы Маковского.

Среднего роста, упитанная, но подвижная, она встретила меня с учтивостью — годы молодости, проведённые в Москве, оставили свой след в её манерах на всю жизнь, жизнь долгую — в 75 лет.

Она рассказала мне любопытную историю из московской жизни её родителей. Отец и мать жили в доме художника В. К. Маковского. Отец — истопником, мать — кухаркой. У Маковского есть картина, на которой изображены её родители. У матери на руках маленький ребёнок. Как уверяла меня Елизавета Михайловна, — это она, ей тогда был годик. Вот где довелось встретиться мне с персонажем довольно известной работы русского художника. Неисповедимы пути Господни! Портрет же своей матери (холст, масло) также предположительно кисти Маковского она не может ни отдать, ни продать — он ей дорог как память, и музей может взять его только после её смерти.

Другой же этюд, также предположительно работы Маковского, на котором изображена неизвестная молодая женщина в костюме боярыни (холст, масло), она любезно подарила музею. Хотя надо сказать, что был он весьма попорчен временем и небрежным отношением — холст порван, краски потемнели. Я поблагодарил и вернулся к Семьинским. Мне нужно было спешить. Предстояло побывать ещё в селениях Бурцево, Долгово, Загорье и Старово.

Надо сказать, что село Даратники представляло собой картину весьма скучную. Некогда большое, в полторы сотни дворов, сейчас насчитывало не более 40. Какой-то унылостью и безысходной тоской веяло от его домов.

Прошёл Бурцево, и в половине десятого был уже в Долгове. В нём 40 дворов, довольно много зелени. Многие дома украшены резьбой, чем не могут похвалиться избы в Даратниках и Бурцево. Рядом с деревней течёт река Сольба, неширокая и неглубокая, но с чистой водой. Пошёл дальше, в Загорье. Оно от Долгова недалеко, всего в полутора километрах пути. Стоит на холме и всё утопает в зелени. Огибает его всё та же Сольба, которая совершенствует красоту местного пейзажа. Возле церкви, построенной на средства помещика В. С. Нарышкина в 1800 году, в которой сейчас разместились база райпотребсоюза и магазин, раскинулся бывший господский парк. Он сохранился не худо, только ещё больше

разросся. Ели, кедры, пихты, лиственницы, населяющие его, достигли гигантских размеров, так что и макушки не разглядишь.

Село когда-то принадлежало Нарышкиным, но не тем, которые владели Елпатьевым. Одним из владельцев Загорья был в первой половине XIX века полковник Иван Нарышкин, участник Отечественной войны 1812 года, адъютант генерала Я. П. Кульнева.

Из Загорья, где я ни к кому не заходил, пошёл в Старово, которое находится в километре. Деревня эта невелика, всего дворов 20. Посреди — деревенская часовенка, интерьер которой хорошо сохранился. В ней находилась замечательная резная фигура Христа. Она и являлась основной причиной, приведшей меня сюда. Мы уже давно намеревались взять её в музей, но...

Местные жители очень ревниво относились к вторжениям в часовенку «инакомыслящих». Я это сразу почувствовал и в разговоре с группой женщин, сидевших возле одного из домов. На вопрос, как мне попасть в часовенку и посмотреть Христа, они ничего определённого не ответили, и на лицах их отразились настороженность и явное желание узнать, что я за человек и зачем мне всё это нужно. Я предупредил их недоумение, объяснив, что прибыл из Переславского музея и почему именно интересуюсь фигурой Христа. Но и это объяснение не вызвало у них желания к продолжению разговора. Я понял, что завоевать их доверие мне не удастся и вряд ли я смогу разрешить положительно интересующий меня вопрос. Ограничился тем, что узнал адрес Г. Н. Шиншиной, и направился к ней.

В своё время она была послушницей Сольбинского монастыря. Два года назад у неё побывали наши товарищи и видели картину какого-то большого художника — возможно, опять же, Маковского?..

Встретила меня Шиншина грубовато. Да и весь её облик говорил, что она не из добросердечных людей. Был ей 71 год, но выглядела она моложе. Лицо большое, мясистое, а глазки маленькие, серые, как два острых гвоздя, впивающиеся в собеседника. Говор быстрый и громкий. При своей тучной фигуре была она довольно подвижна.

Едва только заговорит я о картине, она вскочила со стула и с невероятной быстротой забегала по избе, твердя одно и то же: «Меньше чем за 50 не отдам, меньше чем за 50 не отдам!» С побагровевшим лицом, которое всё как бы собралось в её огромном хищном носе, с глазами, ставшими совершенно тёмными, она, как стервятник над добычей, кружила вокруг меня.

Я же не так поразила её экстазу, как цифре, которую она назвала. Ведь такую цену мне, в конечном счёте, и было поручено дать за её картину. Она как бы подслушала, казалось мне, наш разговор с К. И. Ивановым в его кабинете, где мы и условились больше 50 рублей за картину не давать.

Мне ничего не оставалось, как согласиться с ценой, названной ею. Она тотчас успокоилась, но тут же на лице её отразилась мысль, родившаяся сейчас же: «А не продешевила ли, может, больше просить, видно, больно она ему нужна!» Но я не позволил ей высказать эту мысль вслух, твёрдо заявив, что больше 50 рублей дать за картину не могу. На том и порешили, а также договорились, что за картиной приеду зимой. Скажу несколько слов о самой картине. Размер холста примерно 80×50 см, на нём изображён уголок юга Италии или Греции. Рама массивная, крупнобагетная, позолоченная.

Выйдя от Шиншиной, я заметил, что на улице стало оживлённей. То у одного, то у другого дома встречались кучки людей, тревожно галдящих. Конечно, я сразу догадался, чем вызвано это оживление — моим интересом к фигуре Христа.

Не задерживаясь в деревне, я вернулся в Загорье. Зашёл в сельсовет, поговорил с секретарём. Выслушав меня, он согласился, что сейчас момент для изъятия из часовенки фигуры Христа неподходящий. Но мы договорились, что кроме наших представителей, никому другому её не отдадут. Разумеется, я ни на минуту не сомневался, что в конце концов скульптура эта будет находиться в одном из залов нашего музея и станет утверждать собою замечательное мастерство русских резчиков по дереву.

В половине третьего выехал на попутной машине из Загорья. Недавно прошёл дождь, но он несколько не испортил дорогу. Надо заметить, что дороги в той стороне песчаные, и потому дождь им не особенно опасен, чего не скажешь о других, глинистых наших дорогах, которые дождь делает совершенно скверными. У меня созрело твёрдое решение ещё раз побывать в этих краях, с точки зрения истории и искусства не до конца исследованных.

У людей хранится много материальных памятников истории, которые при соответствующем подходе и освещении прольют свет на те или иные события прошлого.

...Прошло 10 лет. В 1974 году я снова дважды побывал в здешних местах. В феврале вместе с художником Юрием С. по хорошей зимней дороге, освещённой низкими лучами солнца, приехали в Старово, под стены так понравившейся мне часовенки. Но она была уже не та. Кровлю «повело», осела клеть, двери кое-как закрывались, но запирались на замок, отпереть который можно было и без ключа.

Я приехал вовремя. А почему? Местные крестьяне осознали, что утвари часовенки угрожают частенько заглядывающие сюда «любители старины», которых с каждым годом становилось всё больше.

Пока Бог миловал, отгоняли от часовенки «гостей». Но всё же через сельсовет крестьяне обратились в музей: «Возьмите Спасителя, Христа ради!» Что мы и сделали. Привезли тогда в музей скульптуру «Спас в темнице», Царские врата и икону «Всех святых» XVII столетия. С болью в сердце покидал я часовенку. Желание было огромное — увезти её в музей пока цела. Но время ещё не пришло.

А шесть месяцев спустя я приехал в село Даратники с Николаем Александровичем Брыкиным, известным русским писателем советского периода, здешним уроженцем. С ним я познакомился по переписке. Жил он и работал в Ленинграде. Летом 1974 года по дороге на родину, в Даратники, он заболел, и довольно серьёзно. В Переславле его госпитализировали с диагнозом — воспаление лёгких, а шёл ему 80-й год.

По выздоровлении, в роскошный августовский день, на нашем музейном автобусе мы прикатили в его родное село, в большой, весь утопающий в кустах сирени, с яблоневым садом позади дом его племянницы. За столом с графином водки, окружённым всем ассортиментом поспевших летних закусок, мы сидели долго. Сколько интересного я в тот день узнал из рассказов маститого писателя. Но не сейчас, а в другой раз, в другой день, в другой вечер я перенесу их на бумагу.

...И ещё 10 лет минуло. В 1983 году, в декабрьскую распутицу, словно природа в тот год решила послать их людям дважды: весеннюю и зимнюю, мы за два дня перевезли уже совсем ветхую старовскую часовенку в музей.

Покинув родное место, оказавшись во дворе музея, возрождённая и ухоженная, она снова служит людям. Сбылась мечта двух поколений моих коллег.